

УДК 2 : 32 (479)
ББК 86 + 66 (24)
Р 368

Р 368 Религия и политика на Кавказе. Материалы международной конференции. / Ред. А.Искандарян. – Ереван, КИСМИ, 2004. – 120 с.

Фото Дато Мдзинаришвили / Patkerphoto
Дизайн студии МАТИТ / www.matit.am

Religion and Politics in the Caucasus. Conference Papers. / Ed. A.Iskandarian. – Yerevan, CMI, 2004. – 120 p.

Photo by Dato Mdzinarishvili / Patkerphoto
Design by MATIT / www.matit.am

ББК 86 + 66 (24)

ISBN 99930-78-42-5

© КИСМИ, 2004
© 2004 by Caucasus Media Institute

■ ИСЛАМ И НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ НА ПОГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ: АЗЕРБАЙДЖАН

Тадеуш Светоховский

На протяжении всей своей истории Азербайджан разделял судьбу с Ираном: исламизация в Азербайджане началась в середине VII века н.э., и в XVI веке при династии Сафавидов в стране прочно укоренился шиизм двенадцати имамов. Начало XIX века стало поворотным пунктом в истории Азербайджана: власть перешла к европейцам. В результате русско-иранских войн 1804-1813 и 1826-1828 годов страна и народ оказались навсегда разделенными на две части границей, проведенной по реке Аракс. Тюркоязычные мусульмане в российском Азербайджане отличались от азербайджанцев, проживающих на территории Ирана в одном ключевом аспекте: среди первых было значительное число суннитов. По российским оценкам 30-х годов XIX века, шиитов и суннитов среди мусульман Азербайджана было почти поровну (с небольшим перевесом в пользу суннитов).

Хотя религиозное деление и не совпадало с административным, сунниты оказались в большинстве в северных и западных частях страны и подвергались влиянию горных центров суннитского суфизма, особенно ордена Накшбандийя в Дагестане и Чечне. Данные 1860-х годов показывают резкое существенное сокращение суннитского населения; окончательно оно стабилизировалось на уровне примерно одной трети населения российского Азербайджана.

Уменьшение доли суннитов, среди которых преобладали этнические тюрки-неазербайджанцы, явилось результатом их эмиграции в оттоманскую Турцию после окончательного покорения Северного Кавказа Россией. Россия, слаборазвитая и обедневшая, но по-прежнему экспансионистская колониальная империя, широко прибегала к политике «разделяй и властвуй», причем не только по отношению к христианам и мусульманам Кавказа, но также

и к различным течениям внутри ислама. Добровольцы из числа азербайджанцев-шиитов (но не суннитов) воевали на стороне России в конфликтах с Турцией, в войне 1828 года, в Крымской войне 1853-1856 гг. и в войне 1876-1878 гг. Для реформаторских движений, зарождавшихся в Азербайджане в середине XIX века, отношения между шиитами и суннитами были очень важной темой. Религиозные противоречия неизбежно отражали различные политические, культурные и лингвистические ориентации, характерные для пограничных областей. Шииты традиционно считали себя частью иранского мира и продолжали употреблять персидский язык в качестве литературного, в то время как сунниты сохраняли притяжение к османской Турции, хотя и в меньшей степени, чем шииты к Ирану.

Что касается языка, суннитская интеллигенция склонялась к литературному «отуречиванию». Возникновение национальной прессы на родном языке, начавшееся с бакинской газеты «Акинчи» (1875-1878), вскоре привело к острым противоречиям в обществе, спровоцированным критикой ритуала 'Ашура (десятого дня месяца Мухаррам), когда по шиитской традиции отмечается мученичество имама Хусейна, убитого в 680 году в Карбале мусульманами, воевавшими на стороне халифата Умайядов¹. При российском владычестве день 'Ашура отмечался более чем в двух тысячах мечетей и священных мест Азербайджана празднествами, в течение которых его участники, доводя себя до иступления, предавались самобичеванию. Любая критика вызывала яростную реакцию, в особенности в Карабахе, прославившемся своими празднованиями 'Ашура. Развернувшиеся на страницах «Акинчи» дебаты на эту тему стали первой в Азербайджане открытой дискуссией на общественно важную тему и продемонстрировали накал враждебности как между двумя течениями, так и между реформаторски настроенными интеллектуалами и традиционалистами. В одной из редакционных

1 Дискуссию об «Акинчи» можно найти в работе: Swietochowski, Tadeusz. Akinchi 1875-1878. The Rise of Azerbaijani Press and Public Debates in the Readers' Correspondence. В сб.: Herzog, Ch., Motika, R. Pistor-Hatam, A (ред.). Presse und Öffentlichkeit in Nahen Osten. Heidelberg, Orientverlag, 1995, с. 175-183.

статей говорится о глубоких корнях этой проблемы: «Между нами нет единства, и ничто нас не связывает. Половина мусульман, живущих на Кавказе, – шииты, другая половина – сунниты. Сунниты не перестают ненавидеть шиитов, шииты – суннитов. Друг друга слушать они не хотят»².

Фактором, который осложнял взаимоотношения между течениями ислама, но замалчивался, был вопрос о самоидентификации населения, которое было принято называть закавказскими мусульманами, или татарами. Основатель современной азербайджанской литературы Мирза Фатали Ахундзаде говорил в своих философских трудах о необходимости «исламского протестантизма» как лекарства против разделяющих общество нетерпимости и фанатизма. Он настаивал, как на безотлагательной мере, на том, чтобы его соотечественники перестали сторониться русских, охранявших их жизни, достоинство и имущество. Тогда, считал Ахундзаде, навсегда исчезнет дух охватившего общество фанатизма, среди кавказских мусульман родится тяга к образованию и знаниям, которые и будут для них путеводной звездой к более высоким нормам морали. До сих пор только религия мешала большинству из них изучать русский язык, поскольку, по мнению духовенства, само по себе знание русского языка исключает всякую надежду на спасение души³.

В остальном, сознавая себя элементом иранской цивилизации, Ахундзаде славил доисламскую зороастрийскую эпоху, закончившуюся покорением «голодными босьяками-арабами». Фактически Ахундзаде положил начало местной секулярной традиции, воспринятой многими стремившимися к обновлению интеллектуалами не столько из-за их враждебности исламу, сколько из-за того, что светскость представлялась им средством для

2 Недавнее обсуждение этой темы можно найти в работе: Смит М. Память об утратах и азербайджанское общество. В сб.: Фурман Д.Е. (ред.) Азербайджан и Россия: общества и государства. Фонд имени Андрея Сахарова, М., 2001, с. 88-117. О ритуалах Мухаррам в Баку см. также Lassy, Ivar, *The Muharram Mysteries among the Azerbaijani Turks of Caucasia*, Helsinki, 1916.

3 Akhundov, Mirza Fathali. *Asarlari*. Baku, 1958-62, т. 2, с. 384.

преодоления раскола между враждующими исламскими течениями. Другая часть интеллектуальной элиты примкнула к джадидизму – просветительскому движению, которое было против отделения ислама от общественной жизни и призывало к модернизации ислама, в первую очередь путем улучшения школьного образования⁴.

Бурная политическая обстановка повлияла на судьбы ислама в Азербайджане в двадцатом веке больше, чем любой другой фактор, и это затронуло и суннитов, и шиитов. Перед лицом общих бед соперничество и антагонизм между ними ослабли и стали даже казаться несущественными.

В новых политических условиях, возникших из-за ослабления российской автократии в результате событий 1905 года, на фоне либеральной политики правительства в прессе развернулись долгие дебаты по такому чувствительному вопросу, как неравенство мужчин и женщин, символом которого стала чадра. Ведущую роль в дебатах играл самый популярный азербайджанский журнал того периода «Молла Насреддин»⁵.

Весьма примечательно, что критика ритуалов дня ‘Ашура вовсе не усиливалась; фактически стал заметен обратный процесс. Разраставшееся на местах революционное движение, нуждаясь в сочувствии масс, обратилось к глубоко укоренившейся традиции шиитских похоронных ритуалов. Когда-то эти обряды были основной мишенью проклятий реформаторов; теперь же традиции превратились в средство эффективной политической мобилизации масс, которые к обычной пропаганде относились с безразличием. В 1907 году похороны Халанара Сарафалиева, местного социал-демократа, превратились в большую политическую демонстрацию, среди организаторов которой был и молодой большевик Иосиф Сталин. В традиционных исламских похоронных обрядах

4 Недавнее обсуждение джадидизма можно найти в работе А. Малащенко. Исламское возрождение в современной России. Московский Центр Карнеги, 1998, стр. 32-33.

5 Siegal, Evan. Debate on Women’s Rights: Azerbaijan 1907, неопубликованный доклад, представленный на ежегодном совещании Ассоциации по изучению Среднего Востока (Middle East Studies Association Annual Convention), 1999.

азербайджанские революционеры видели не средство сплочения масс, а способ подчеркнуть отличие азербайджанцев от их русских товарищей, будь то большевиков или меньшевиков.

С этого момента и в течение всего революционного периода «бури и натиска», длившегося до 1920 года, местная группа социал-демократов «Гуммет» («Начинание»), а затем и национал-либеральная партия «Мусават» («Равенство») использовали в своих целях похоронные обряды местных мусульман, находившихся в состоянии политической конфронтации. Сочетание ритуала 'Ашура и прочих традиционных религиозных обрядов с революционной риторикой знаменовало рождение того, что позже назовут «национальной социал-демократией». В момент, когда не только население, но и интеллектуальная и политическая элиты подвластного России Азербайджана еще не обладали четким представлением о своей национальной принадлежности, возникновение этого движения сопровождалось ощущением, что ислам является отличительным признаком общественного самосознания.

Противоречие между зарождающимся азербайджанским национализмом и традиционалистской исламской идентичностью стало явным во время первой независимой республики, просуществовавшей с 1918 по 1920 год. Партия «Мусават», в то время самая значительная политическая сила, отстаивала создание светского национального государства, а его основным противником, панисламская партия «Иттихад» («Союз») призывала положить в основу правления традиционные исламские нормы и пропагандировала идею единения всех мусульман российской империи. Будучи враждебна идее азербайджанского национального государства, партия «Иттихад» поначалу приветствовала большевистское вторжение, но вскоре тоже начала бороться против новой власти.

Самым серьезным испытанием для ислама в Азербайджане стало установление советской власти. По отношению к народам, в самосознании которых продолжал доминировать исламский ком-

понент, советский режим проводил антирелигиозную политику, пытаясь при этом использовать существовавшие в среде местной интеллигенции секуляризм и антиклерикализм. Хотя отношение советской власти к исламу всегда было окрашено враждебностью, ее интенсивность менялась со временем. В 1920-е годы, в период «коренизации», руководящим принципом был фактически социальный договор с местными реформаторски настроенными силами, в основном с интеллигенцией, которой руководил дух просвещения, джадидизма и секулярности. В обмен на принятие советской власти эти силы получили доступ к государственным постам, а также признание своей национальной идентичности, т.е. полноправности национального языка и культуры; последняя в неявной форме подразумевала и ислам. Так, руководство советского Азербайджана во главе с Нариманом Наримановым объявляло себя выразителем национальных чаяний, откуда и возник термин «национальный коммунизм» как обозначение политики компартии Азербайджана в тот период⁶.

В начале 1920-х годов секуляризм советского типа был относительно умеренным и, казалось, отражал идеи, высказывавшиеся в то время Мирсаидом Султангалиевым. Султангалиев, партийный активист родом из приволжских татар, стал известен в Баку благодаря своим статьям в местных газетах. Султангалиев верил, что у мусульман должен быть свой особый путь строительства социализма, и что исламские представления о политике и обществе не противоречат марксизму. Ислам как религия жертв империалистической эксплуатации как будто бы не противоречил большевистским представлениям о Востоке как центре мировой революции.

Первоначально действия советского режима против ислама не простирались дальше мер, преподносимых как часть общей

6 Недавнее обсуждение политики большевиков по отношению к мусульманской интеллигенции можно найти в работах Bennigsen, A., Lemerrier-Quellejau, C. *Islam in the Soviet Union*. New York, Praeger, 1967, с. 123-127; о коренизации в Азербайджане см. Swietochowski, Tadeusz. *Russia and Azerbaijan. A Borderland in Transition*. Columbia University Press, 1995, с. 108-115.

программы модернизации – в том числе экспроприации благотворительных фондов (вакфов), постепенной отмены шариатских судов и мусульманских школ, а также полного запрета процессий ‘Ашура: новый режим вполне осознавал их политический потенциал. С другой стороны, политика, поощрявшая укрепление этнолингвистической идентичности, рассматривалась как способ применения к мусульманам принципа «разделяй и властвуй». Конкретным примером может служить замена арабского алфавита латинским. Эта реформа, которая одним ударом разорвала преемственность со всем литературным наследием – причем не было никаких сомнений, в том, что исламская литература не будет переиздана после транслитерации – была многими воспринята как намеренное углубление этнических различий между мусульманами СССР⁷.

Реформа встретила сопротивление как со стороны консервативных элементов, так и со стороны революционных последователей Султангалиева, которые стремились к освобождению мусульманских масс от иностранного владычества. Хотя некоторые мечети были закрыты еще в середине 1920-х годов, а обычное право – адаты – были запрещены в 1927 году, окончательное наступление на ислам началось только в конце десятилетия, когда Сталин упрочил свою личную власть. Некоторую поддержку этому процессу оказала, вдобавок к уже существовавшей в этом районе светской традиции, и политика насильственной секуляризации, проводившаяся в это же время в кемалистской Турции. Вскоре в Азербайджане развернулась кампания буквально культа Ахундзаде как отца-основателя философского материализма.

Антиисламское движение совпало с насильственной коллективизацией крестьян. Таким образом, у крестьян отнимали собственность, одновременно в массовом порядке искореняя их веру,

7 Подробное недавнее исследование о советской реформе алфавитов см. в работе Baldauf, Ingeborg. *Schriftreform und Schriftwechsel bei den Muslimischen Russland und Sowjeturken (1850-1937). Ein Symptom ideen-geschichtlicher und kulturpolitischen Entwicklungen.* Budapest, Akademiai Kiado, 1993.

обычаи и традиции. Эта кампания началась с проверенного «боевого клича» модернистов: с призыва к эмансипации мусульманских женщин. Одновременно со снятием чадры – этим символическим актом освобождения женщины – советское законодательство в конце 1920-х годов установило суровые наказания за соблюдение таких глубоко укоренившихся обычаев, как многоженство, выдача замуж несовершеннолетних девочек, выплата калыма за невесту, умыкание невесты, а также кровная месть. Закон 1930 года квалифицировал убийство женщины как контрреволюционное деяние, наказуемое смертной казнью⁸.

На новом политическом фоне власти начали «удовлетворять» умело инсценированные «народные требования» о повсеместном закрытии мечетей. Одним из последствий кампании стало разрушение многих памятников архитектуры. Некоторые партийные и правительственные деятели были репрессированы по обвинению в посещении пятничных служб в мечетях, а иногда и в исполнении функций презренных мулл. По мере того, как этот процесс набирал силу, стало караться даже недостаточное усердие в борьбе с религией. Национальный ислам вырывали с корнем вместе с национальным коммунизмом – главной мишенью чисток, а уже в середине тридцатых годов обвинением, регулярно предъявлявшимся жертвам чисток, был панисламизм – «реакционное, основанное на религии учение, служащее интересам иностранных держав». Представители мусульманского духовенства стали символом религиозного обскурантизма прошлого и постепенно теряли свое влияние не только под воздействием террора, но и из-за закрепившейся за ними репутации политических осведомителей. Это обстоятельство удерживало верующих от посещения служб в немногих сохранившихся мечетях.

В целом, создается ощущение, что из-за принадлежности к исламу Азербайджан пострадал от репрессий больше, чем его соседи на Южном Кавказе. Сегодня все еще сложно полностью оценить

8 Baberowski, Jorg, Stalinismus an der Peripherie: das Beispiel Azerbaidzan 1920-1941. В сб.: Hildermeier, M. (ред.), Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg. Oldenburg, с. 315.

долговременные последствия многолетней жестокой повсеместной борьбы против ислама. Ислам по своей природе – и образ жизни, и религия. За исключением раздачи милостыни, внешние проявления исламского самосознания, такие, как соблюдение пяти столпов ислама, почти вышли из употребления. В том же смысле и изоляция женщин закончилась вместе с запретом многоженства и ношения чадры. Женщины получили равные с мужчинами права, и самым впечатляющим достижением стал широкий доступ к образованию. Тем не менее, браки в азербайджанских семьях по-прежнему устраивались по сговору старших; мужчины редко, а женщины – почти никогда не вступали в браки за пределами местного сообщества. Азербайджанцы поддерживали очень тесные родственные связи, что объясняет важность кланов в обществе. До недавнего времени азербайджанцы редко мигрировали, особенно в немусульманские районы Советского Союза, отказывались даже при случае есть свинину и лишь постепенно начинали поддаваться соблазнам алкоголя. По сообщениям Министерства внутренних дел, даже в 1950 году абсолютное большинство мусульманского населения, включая многочисленную номенклатуру, продолжало соблюдать обычай обрезания сыновей⁹.

Ислам как религия, безусловно, пострадал от репрессий и атмосферы террора. Поскольку религиозные обряды открыто не проводились, религия стала частным делом, замкнутым в пределах семьи - самого устойчивого и консервативного института в Азербайджане. Некоторые ученые отмечали, что первые этапы кампании за секуляризацию в Советском Союзе принесли пользу женщинам, так как они получили равенство в правах – больше формальное, чем действительное, а в дальнейшем женщины взяли на себя роль хранителей народных традиций, в том числе и основ исламского самосознания¹⁰.

9 Исмаилов Э. Власть и народ. Послевоенный сталинизм в Азербайджане 1945-1953 гг. Баку, Адилоглы, 2003, с. 175.

10 Дополнительные материалы см. в работе Tohidi, Nayereh. *Guardian of the Nation. Women, Islam, and the Soviet Legacy of Modernization in Azerbaijan*. В сб.: Bodman, Herbert and Tohidi, Nayereh (ред.). *Women in Muslim Societies*. Boulder, Lynn Rienr, 1998.

Зачастую, впрочем, было слишком рискованно передавать молодому поколению знание основ ислама. Росло поколение молодых людей, даже не знавших, шииты они или сунниты. Широкое распространение получило изречение: «Сохраняй веру в сердце своем». Эти слова выражали суть древнего как мир способа противостоять религиозным преследованиям. Фактически советский период привел к расцвету духа такой, т.е. санкционируемого Кораном сокрытия своих подлинных взглядов, вплоть до вероотступничества, в ответ на принуждение или угрозы¹¹.

В той или иной форме такойя стала единственным способом выживания в тоталитарном коммунистическом обществе, в Азербайджане же такойя имела глубокие исторические корни, ибо Азербайджан на протяжении столетий был пограничной областью, полем брани между религиозными течениями и рассадником ереси. Его территория входила в состав разных государств, здесь постоянно менялись политические ориентации. Хорошая иллюстрация существовавших в то время тенденций – тот факт, что число членов организации антирелигиозников за один год выросло от трех тысяч до более шестидесяти. По данным на 1940 год, было зарегистрировано 3200 ячеек и 129 622 членов этой организации; она провела 2567 лекций с охватом 212 105 человек¹².

Традиция такойя, вместе с учением шиизма о том, что единственным истинным властителем является Невидимый Имам, а всякая иная власть есть узурпация, объясняет достаточно прохладное отношение азербайджанцев к государственным институтам, тем более, что они зачастую представляли иноземную власть. К концу 1930 годов, на пике сталинских репрессий, родилось течение «азербайджанизма» - особой формы национализма, направленного

11 Подробное недавнее исследование по этой теме см. Kohlberg, Etan. Taqiyya in Shi'i Theology and Religion. В сб.: Kippenberg Hans and Stroumsa Guy (ред.) Secrecy and Concealment. Studies in the History of Mediterranean and Near Eastern Religions, Leiden, E. J. Brill, 1995, с. 345-60.

12 Абасов, Али. Ислам в современном Азербайджане: образы и реалии. В сб.: Фурман Д.Е. (ред.) Азербайджан и Россия: общества и государства. Фонд Андрея Сахарова, М., 2001, с. 291.

на замещение традиционных связей с внешним несоветским миром. Азербайджанизм выражал неприятие не только реакционного панисламизма, но также и тюркизма, т.е. идентификации с тюркоязычным миром, тем более, что Турция перестала считаться дружественной СССР державой. Эта новая форма национального самосознания вскоре приобрела и дополнительный аспект, когда во время второй мировой войны Красная Армия вступила на территорию иранского Азербайджана. Эта временная оккупация вернула к жизни мечту о воссоединении разделенного народа¹³.

Несмотря на отраженные в статистике успехи антиисламской кампании, советская власть сочла возможным чередовать периоды жестокого подавления с периодами относительной религиозной терпимости. Например, во время второй мировой войны символом новой политики Москвы стало образование в 1944 году Духовного управления мусульман Кавказа. Это послабление представлялось весьма своевременным, поскольку имелись опасения, что недозвольные мусульмане перейдут на сторону немцев с большей вероятностью, чем представители других народов СССР. Более того, к этому времени уже готовились планы создания просоветского автономного правительства в оккупированном Тавризе. Последняя массивная антиисламская кампания прошла в уже постсталинский период, во время правления Хрущева, но это уже были не кровавые чистки, а более широкая политика ассимиляции народов СССР путем перехода на русский язык и культуру.

За этим последовала интенсификация научной критики ислама как религии иностранного происхождения, огнем и мечом навязанной народам Кавказа. Из бакинских мечетей, переживших сталинизм, только две избежали закрытия. В позднесоветский период в Азербайджане существовало 54 зарегистрированных «культовых учреждения», в том числе 17 мечетей: 11 шиитских, две суннитских

13 Подробное недавнее исследование о советской оккупации Иранского Азербайджана см. в работах Hasanli, Camil. *Soyuq muharebenin baslandigi yer. Guney Azarbaijan, 1945-1946*, Matbu Evi, Baku, 1999, а также Fawcett-L'Estrange L. *Iran and the Cold War. The Azerbaijan Crisis of 1946*. Cambridge University Press, 1992.

и четыре смешанных, в которых шииты и сунниты проводили намаз поочередно. Из 162 граждан, официально зарегистрированных в качестве мусульманских, христианских и еврейских «религиозных активистов», около 100 были муллы, из которых не более 16-ти получили духовное образование, в основном в Ташкентском исламском университете или в медресе Мир Араб в Бухаре¹⁴.

Бок о бок с официальным исламом во главе с Духовным управлением мусульман Кавказа существовал народный ислам, особенно распространенный в южных шиитских районах - Масаллинском, Билясуварском, Джалилабадском и Ленкоранском, известных наиболее высокой степенью религиозности. Молитвы тайно проводились в частных домах, а иногда и в освященных помещениях – пирах. Некоторое возрастание религиозности населения наблюдалось и в северных районах – Газахском, Евлахском, Дивичинском и Кусарском, где сунниты исторически составляли большинство населения. Постепенно, по мере приближения заката советской империи, начинали появляться и признаки религиозного возрождения, на основе скорее народного, чем официального ислама. В конце 1970-х годов, по советским данным, в Азербайджане действовало около тысячи подпольных молелен и около трехсот мест паломничества верующих, в том числе знаменитые мусульманские святыни - Биби-Эйбат, Нардаранский пир, Эт Ага Турбеси, Имамзаде, мавзолей шейха Захида, Хыдыр-зинда¹⁵.

Теперь понятно, что то были первые ласточки нарастающего процесса: сотни мечетей были открыты в течение следующих десятилетий. Хотя среди специалистов и существуют значительные разногласия касательно глубины и степени возрождения, в исследованиях советского времени отмечается, что статистически уровень религиозности был максимальным в южных районах и в окрестностях Баку, т.е. в преимущественно шиитских частях страны, и был значительно меньше среди суннитской части на-

14 Akhadov, A. Ислам в Азербайджане, Dinlerin Gorush Markazi, Dunya dinlari bashari zangilik kimi, Baku, 1998, с. 31.

15 Там же, стр. 30.

селения. Революция в Иране, в ходе которой воинствующие исламисты сместили шахский режим, вызвала опасения, что это движение может перекинуться в соседние государства, особенно в страны с шиитским населением. Аргументы такого рода побудили Соединенные Штаты обеспечить некоторую поддержку Саддаму Хусейну во время войны с Ираном. Революция вызвала беспокойство и в советском Азербайджане, где власти попытались противопоставить потенциальному религиозному влиянию Ирана националистические лозунги об едином Азербайджане, что служило напоминанием о настроениях времен Второй мировой войны.

Для многих азербайджанцев-шиитов эхо исламских потрясений по ту сторону границы могло прозвучать как провозвестник потрясений, ожидавших прежде непоколебимое советское государство. Становилось все более ясно, что религиозное возрождение будет идти рука об руку с изменением политической ситуации. После того, как в дни «черного января» 1990 года советские войска в ходе подавления антиармянских беспорядков в Баку убили и ранили сотни азербайджанцев, сорок дней продолжался национальный траур по шиитскому обряду. На этот раз траур был объявлен распоряжением правительства и ЦК компартии Азербайджанской ССР. Азербайджанские чиновники высокого ранга, зачастую бывшие крупные партийные боссы, стали появляться на религиозных праздниках или совершать паломничество к святым местам. Политики систематически пытались заручиться поддержкой верующих.

Последний глава компартии Азербайджана Аяз Муталибов объявил, что всегда был мусульманином, а его неизменный оппонент Гейдар Алиев, заняв пост президента республики, совершил хадж – паломничество в Мекку. Всего лишь за год правления новой политической силы переходного периода – Народного Фронта Азербайджана – была отменена большая часть советских антиисламских законов. Национальный Совет (Милли Меджлис), который заменил собой Верховный Совет, принял 18 августа 1992 года закон «О свободе вероисповедания», объявив об отделении религии от государства, взаимном невмешательстве и равенстве

всех религий перед законом. Новый закон обеспечил признание религиозных организаций и их представителей. Предусматривалось также соподчинение, в случае необходимости, религиозным институтам за рубежом, что было особо существенно ввиду сложных взаимоотношений с Ираном – исторической родиной азербайджанского народа, где по-прежнему проживает большая часть азербайджанцев и находится центр шиитского мира¹⁶.

Как можно оценить успех возрождения вкупе с политическими преобразованиями теперь, по прошествии более чем десятилетия? Ответ в большой степени зависит от точки зрения отвечающего. Бывший партийный функционер станет говорить о надвигающейся волне фундаментализма; гость из Ирана будет шокирован рыхлостью и поверхностностью азербайджанских мулл. Нейтральный обозреватель скорее всего придет к заключению, что ислам выжил под гнетом советского режима, но возрождение досталось недешево. Настойчивая пропаганда атеизма и светскости оставила след в сознании всех народов Азербайджана и всех слоев азербайджанского общества. Что касается отдельных людей, самое поразительное – то, насколько несвязны и отрывочны их знания о вероучении и истории ислама. Особенно ярко это проявлялось у молодежи и людей среднего возраста, с которыми я беседовал. Антирелигиозные кампании и школьное обучение успешно нейтрализовали религию и сделали ее бесполезной в обыденной жизни. В отсутствие мечетей и внушающих доверие священнослужителей, к религии прибегали только в моменты утраты и горя¹⁷.

Тот же автор отмечает¹⁸, что из-за низкого уровня общего религиозного образования ислам для большинства молодых людей и людей среднего возраста почти превратился «в ислам народных преданий, или даже, можно сказать, в светский ислам. Люди

16 Safizadeh, Fereydoun. On Dilemmas of Identity in the Post-Soviet Republic of Azerbaijan, *Caucasian Regional Studies*, том 3, № 1, 1998, с. 4.

17 Там же.

18 Там же.

называют себя мусульманами, представителями мусульманского народа, но при этом отстаивают материализм и говорят, что Бога нет»¹⁹.

В постсоветские годы в Азербайджане вновь актуализировалось турецко-иранское противостояние. На ход исламского возрождения повлияли политические события. Мечети восстанавливались на средства, поступавшие из Тегерана, а для решения проблемы низкого уровня теологического образования будущие священники получали приглашение учиться в Иране. Как бы в ответ на вызов, брошенный Ираном, светская Турция тоже начала строить в Азербайджане мечети и медресе, при этом бакинские власти оказывали турецким инициативам бóльшую поддержку, чем иранским. Религиозные организации в Анкаре и Стамбуле рассматривали ислам как удобный путь для укрепления турецкого присутствия в Азербайджане.

Что касается религиозных контактов с Ираном, то здесь важную роль играли политические соображения. Тегеран был обеспокоен националистическими настроениями в Баку и возможным эхом этих настроений в иранском Азербайджане, где, несмотря на интеграцию местных азербайджанцев в иранское государство, могло проснуться движение за автономизацию или даже сепаратистские настроения. Недоверие к независимой Азербайджанской Республике особенно сильно проявлялось по отношению к правлению Народного Фронта Азербайджана под руководством Абульфаза Эльчибея в 1992-1993 гг.

По отношению к карабахскому конфликту Иран занимал двойственную позицию, к которой в Баку относились как к нарушению исламской солидарности, несмотря на то, что большое число азербайджанских беженцев получили убежище на иранской стороне границы. Иранская помощь лагерям беженцев на территории республики Азербайджан была позже отвергнута, так как стало ясно, что миссионеры проводили среди беженцев агитацию за принятие более радикальной формы ислама. Более того, создавалось

19 Там же, стр. 4.

впечатление, что Тегеран поддерживает политику России на Кавказе и в каспийском регионе в противовес преимущественно прозападной позиции Баку. Опасаясь роста национализма среди иранских азербайджанцев, Иран продолжал попытки воздействовать на религиозную жизнь соседствующей с ним Азербайджанской Республики с ее значительным шиитским населением - вторым по численности в мире.

С иранским влиянием было связано и появление новой политической ассоциации – Исламской партии Азербайджана, основанной в 1991 году. Число членов Исламской партии вскоре оценивалось в 50 тысяч человек, в основном в городских и сельских пригородах Баку. Эта партия призывала к более тесным связям с Ираном, включая в это понятие и нефтяные концессии. В сфере культуры Исламская партия протестовала против перехода на латинский алфавит, призывала к возврату к арабскому письму и даже открывала курсы по обучению арабской письменности. В 1995 году председатель партии Алиакрам Алиев и несколько других партийных руководителей были арестованы, а сама партия лишена регистрации на том основании, что она получала финансирование из Ирана и имела связи со спецслужбами этой страны. Партия, тем не менее, продолжала существовать, но полулегально, уже с новыми лидерами во главе²⁰.

Впоследствии все исламские организации и все мечети Азербайджана были подчинены Духовному управлению мусульман Кавказа (ДУМК). В 1996 году парламент принял закон, запрещавший деятельность зарубежных миссионеров, и потребовал, чтобы местные религиозные общины проходили регистрацию при традиционных религиозных организациях. Эти ограничения оправдывались необходимостью помешать эмиссарам из-за рубежа использовать свободу вероисповедания в своих политических целях. Статус традиционных конфессий, пользующихся полной

20 Абасов А., ук. соч., с. 297; см. также Мотика, Рауль. Исламские объединения в Азербайджане в 90-е годы. В сб. под ред. Фурмана Д.Е., ук. соч., с.320.

свободой вероисповедания, получили шииты, сунниты, Русская православная церковь и иудеи²¹.

Азербайджанская Конституция 1995 г. разрешила исповедание любых религий и одновременно вновь провозгласила разделение религии и государства. Это положение, принятое во времена режима Гейдара Алиева, не вызвало протестов наиболее крупных оппозиционных партий. Действительно, при всех своих различиях программы этих партий полностью совпадают в части отделения церкви от государства. Очевидно, интеллигенция продолжает придерживаться светских традиций, хотя некоторые оппозиционные группировки и сотрудничают с Исламской партией Азербайджана. Характерно, что светский характер новой конституции вызвал недовольство по ту сторону границы, в иранском Азербайджане. После опубликования проекта конституции собравшиеся на пятничную молитву в Тавризе протестовали против статьи об отделении религии от государства, а также против того, что ислам не был объявлен государственной религией республики. Сообщалось, что жители Тавриза призывали своих «дорогих братьев-азербайджанцев» отвергнуть эту конституцию. Прозвучали высказывания в том духе, что если две части азербайджанского народа объединятся, то «это они должны будут вернуться в Иран»²².

Официальная позиция Ирана нашла свое отражение в высказываниях Аятоллы Мохсена Шабестари, сделанных в мае 1996 года. Он сослался на застарелое турецко-иранское соперничество, неявно упомянув противоречия между исламскими течениями. «Азербайджанская республика когда-то была нашей. Так что если вообще ведется речь об объединении двух Азербайджанов, то это они должны вернуться в Иран, а не наоборот... Некоторые агенты мирового высокомерия пытаются нанести урон нашему национальному единству, распространяя в нашем регионе сепаратистские настроения. К со-

21 US Department of State. Annual Report on International Religious Freedom for 1999: Azerbaijan.

22 Shaffer, Brenda. *Borders and Brethren. Iran and the Challenge of Azerbaijani Identity*. MIT Press, Cambridge, Massachusetts, 2002, с.187.

жалению, некоторые из их наемников в Тавризе, вторя им, говорят о пантюркизме. Политика Исламской республики требует избегать подобной полемики. Мы не хотим поднимать шум. Но если мы окажемся лицом к лицу с такими сатанинскими заговорами, то придется напомнить всем, включая народ Азербайджанской Республики, что когда-то мы потеряли ряд азербайджанских городов и можем потребовать их возвращения»²³.

Как отмечает Сафизаде, несмотря на принципиальную светскость Баку, «коллапс политической социальной системы привел к кризису смысла и идентичности. Наблюдатели указывают на все большее распространение религиозных кружков, где образованные горожане и светские женщины с накрашенными ногтями, одетые на западный манер, обсуждают ежедневные молитвы. Отмечается также, что рассказы некоторых азербайджанцев о своем религиозном опыте удивительно схожи с рассказами членов движения «заново рожденных христиан» в США. Люди заново открывают для себя ислам, заново принимают его, преобразуют его и пользуются им по-своему, в соответствии со своими потребностями»²⁴. Исламские интеллектуалы (этот термин по большей части относится к ученым-ориенталистам) пытаются модернизировать и реформировать ислам в Азербайджане, в особенности в том, что касается толкования законов шариата в свете потребностей современного общества. С другой стороны, некое женское объединение потребовало восстановления институтов многоженства и временного брака, с тем, чтобы женщины могли познать радость материнства, невзирая на дефицит мужского населения вследствие эмиграции и карабахской войны. Другое движение обратилось в суд, требуя права фотографироваться на паспорт в исламском головном платке, и в 1999 году по этому делу было вынесено положительное решение. Судьи пришли к выводу, что закон не содержит никаких запретов фотографироваться в платке на официальные документы.

23 Human Rights Watch, 28 мая 1996: <http://www.hrw.org>

24 Safizadeh, ук. соч., с. 10.

Как женские движения на религиозной основе, так и рост исламских объединений среди беднейших слоев населения – симптомы более серьезной проблемы. На фоне постсоветской трансформации и сопровождающих ее потрясений дополнительным компонентом движения за исламское возрождение становится социальный протест со стороны наиболее незащищенных членов общества. Корни радикального исламизма уходят в присущий исламу дух общинности и взаимопомощи, а современные общественные и экономические реалии накладывают на это движение особый отпечаток. В Азербайджане, как и на всем постсоветском пространстве, почти полностью рухнула система социального обеспечения. Среди обнищавших слоев населения, в том числе многих беженцев от карабахской войны, накопился громадный потенциал недовольства. Доходы от нефтяного бума не распределяются среди всего общества, а целиком задерживаются в наиболее привилегированных слоях населения, прославившихся не только коррумпированностью, но также и неверием в Бога. Несмотря на светский характер политических элит, известно, что подавляющее большинство азербайджанцев считают себя мусульманами, хотя весьма немногие из них соблюдают требования и запреты ислама. Недавно были обнародованы данные, согласно которым доля наиболее активных верующих составляет менее чем одну десятую населения Азербайджана. Почти столько же граждан считают себя атеистами, основная же часть населения рассматривает ислам прежде всего как образ жизни или атрибут групповой идентичности. В противовес тенденции превращения шиизма в национальную идею и замешивания государственности на шиизме – что мы видим не только в Иране, но также в Ираке и Ливане – Азербайджан сделал выбор в пользу «национального ислама» – концепции, возникшей еще в начале двадцатого века, в которой ислам воспринимается как неотъемлемая часть национального самосознания независимо от меры религиозности отдельных граждан²⁵.

25 Данные по религиозности в Азербайджане см. в работах Faradov, Tair. *Religiosity in Post-Soviet Azerbaijan: A Sociological Survey*. International Institute for the Study of Islam in Modern

Национальное самосознание на пограничной территории подразумевает самоутверждение, вопрос в том, по отношению к кому? Судя по всему – по отношению к чужакам-христианам и европейцам. Так, и в правительственных, и в независимых газетах появляются заметки, где деятельность христианских миссионеров связывают с интересами России или западных держав. Другой мишенью журналистов становятся финансируемые из-за рубежа мусульманские миссионеры, которые изображаются либо как угроза стабильности и гражданскому миру, либо как агенты иранского влияния, в конечном счете направленного на поглощение Азербайджана Ираном.

В отношениях с другими мусульманскими народами Азербайджан особо подчеркивает самобытность азербайджанского ислама, стремясь тем самым эмансипироваться от зарубежных, в первую очередь иранских, религиозных центров. «Национальный ислам» видится как этап на долгом историческом пути освобождения от религиозного доминирования Ирана. Но в то же время в этой концепции подчеркивается необходимость единства шиитов и суннитов, а значит – отказ от любых конфронтационных, жестких или бескомпромиссных позиций. Вспышки межмусульманской розни в мечети города Гекчай в 1999 году были восприняты как попытка иностранного вмешательства с целью подрыва духа азербайджанского ислама. В городе Нардаран также произошли беспорядки, еще более разрушительные и даже приведшие к человеческим жертвам от рук правительственных сил. Официально было объявлено, что причиной насильственных действий стало недовольство плодами светской государственной политики.

■
World (ISIM), Newsletter, август 2001, с. 28; Motika, Raoul. Foreign Missionaries, Home Made Dissidents, and Popular Islam. The Search for New Religious Structures in Azerbaijan. Неопубликованный доклад, сделанный на конференции «The Twelve Shi'a in Modern Times» во Фрайбурге 4-7 октября 1999 г., с. 2. Иной набор данных, указывающий на большую степень религиозности, см. в работе Абасов А., *op. cit.*, с. 306-307. Обсуждение шиизма как национальной идеи см. в работе: Oliver, Roy. The Crisis of Religious Legitimacy in Iran, Middle East Journal, том 53, № 2, весна 1999, с. 201-212.

Еще бóльшие опасения, чем распространение воинствующего ислама из Ирана, вызывает другая угроза, приходящая с недавнего времени с севера, из Чечни и Дагестана. Для обозначения распространенной в этом регионе разновидности воинствующего ислама российские СМИ не совсем верно используют термин «ваххабизм». Вообще-то этим термином называются пуританские и консервативные движения, возникшие на Аравийском полуострове и свойственные суннитской, а не шиитской ветви ислама. В случае постсоветского «ваххабизма» связь с Саудовской Аравией прослеживается в первую очередь в форме нефтедолларов, расходуемых на миссионерскую деятельность на Северном Кавказе и в Средней Азии. В Азербайджане особо опасаются, что лезгины – проживающее вдоль границы Азербайджана с Дагестаном этническое меньшинство численностью примерно четверть миллиона человек – могут оказаться особо восприимчивы к ваххабитской пропаганде, тем более, что лезгинская община в первые годы постсоветского периода уже поднимала вопрос об автономии и даже отделении.

Необходимо отдавать себе отчет в том, какую роль играют различные течения ислама в политической жизни страны, в том числе во внешней политике. Убедительное свидетельство - опубликованное в одной из бакинских газет полуофициальное сообщение о том, что и.о. главы правительственного ведомства по делам религии обвинил ряд действующих в Азербайджане религиозных общин в нарушении закона. Он заявил, что эти общины не отчитываются в своей работе перед ДУМК, распространяют среди населения религиозную литературу подрывного характера и насаждают раскол среди религиозных общин. Он добавил, что правоохранительным органам поручено воспрепятствовать деятельности иностранных миссионеров, которые под предлогом оказания гуманитарной помощи пропагандируют в Азербайджане сектантство и насаждают вероучения, принятые в их странах. Особо были упомянуты организации из Ирана, Саудовской Аравии, Кувейта и Катара. В числе религиозных течений, вызывающих особую обеспокоенность руководства страны, был назван ваххабизм²⁶.

Характерно, что для обозначения движения на Северном Кавказе был выбран именно термин «ваххабизм», в советское время применявшийся по отношению к любым фундаменталистам, имевшим связи за рубежом. Опасность шиитского фундаментализма в официальных заявлениях не упоминалась, поскольку иранская теократия не воспринимается как непосредственная угроза стабильности Азербайджанской Республики. Азербайджанские власти сослались на опасность ваххабизма, дабы запретить митинги оппозиции в Баку; некоторые из участников митинга были арестованы, часть были вынуждены покинуть страну, а некоторые были переданы в руки российских властей. Ещё до развертывания глобальной антитеррористической кампании после трагедии 11 сентября, Россия и Азербайджан заключили соглашение о борьбе с переброской оружия и боевиков через границы. Соглашение предусматривает усиление пограничного контроля и задержание лиц, подозреваемых в поддержке чеченских повстанцев.

С Вашингтоном же сотрудничество в сфере борьбы с терроризмом, судя по всему, продолжается уже несколько лет. Об этом свидетельствует тот факт, что в 1998 году Билл Клинтон выразил благодарность Гейдару Алиеву за задержание нескольких экстремистов²⁷. Еще более сильным указанием на то, что антиамериканизм проник в ряды радикальных исламистов в Азербайджане, был тот факт, что в октябре 2001 г., сразу после трагедии 11 сентября, азербайджанский суд приговорил к длительным срокам заключения членов местной террористической организации «Джейшуллах», возможно, планировавших нападение на посольство США.

Эти шаги вполне согласовались с декларацией президента Алиева о безоговорочной поддержке всемирной борьбы с терроризмом. С началом кампании в Афганистане Азербайджан предоставил Соединенным Штатам право пролета над своей территорией, доступ к разведывательной информации и право пользования базой ВВС на Апшеронском полуострове. И все же, пока отголоски

27 Институт освещения войны и мира, 3 октября 2001, info@iwppr.net; а также US Department of State, Patterns of Global Terrorism, Eurasia Overview.

событий 11 сентября продолжают сотрясать исламский мир, в долгосрочной перспективе сложно предсказать, как они отзовутся в стране, граничащей с Чечней, Ираном и Турцией.

* * *

Постсоветский Азербайджан продолжает заново открывать свои исторические корни. Этот процесс включает в себя возврат к исламу, но все же носит преимущественно этнокультурный характер. В ходе исламского возрождения – явления комплексного по своей природе – национальное самосознание переживает попытки перейти от такой – чистого самосохранения – к самоутверждению. В стране, где в современный период укоренились светские традиции, а образованная элита и большая часть городского населения сформировались в советских условиях, вероятная модель общественного развития ближе к турецкой, чем к иранской, несмотря на объединяющие Азербайджан и Ираном историческое наследие и шиизм.

Впрочем, Турция, после ряда попыток в прошлом, тоже открыто повернулась лицом к исламскому возрождению, при этом неявным образом ставя под сомнение некоторые аспекты кемалистского наследия. Победа умеренных исламистов (как они себя называли) на выборах в Турции в 2002 году была провозвестником того, что первый знаменосец светского государства на Ближнем Востоке меняет свое отношение к историческому наследию.

Какую именно форму примет исламское возрождение в Азербайджане – этой квинтэссенции пограничной территории – будет зависеть в том числе и от влияния сходных процессов в сопредельных странах.